

“ТАКТИКА ЛЬВА”
(введение, главы I–II)

В отечественной византистике наименование “Тактика Льва”¹ прилагается к военно-научному сочинению, которое, по справедливому замечанию А. Дэна, является наиболее известным во всей византийской полемологической традиции². Принадлежность этого сочинения императору Льву VI Мудрому (886–912) не вызывает ни малейших сомнений: попытку кардинального пересмотра этого вопроса, предпринятую в конце XIX в. немецким историком-правоведом К.Э. Цахариэ фон Лингенталем, следует считать не более чем досадным недоразумением³. Решение вопроса об авторстве логически предопределяет датировку трактата: время его создания вполне естественно локализуется хронологическими рамками царствования названного императора. Военно-исторические реалии, содержащиеся в “Тактике Льва”, вполне адекватно отражают состояние византийской военной организации на рубеже IX–X столетий⁴.

Настоящая работа представляет собой первый в отечественном византиноведении перевод на русский язык вступления и шести начальных глав “Тактики Льва”. Полный текст трактата содержится в старой публикации почти полуторавековой давности⁵. Предпринятое в первой четверти XX в. венгерским академиком Р. Вари критическое издание “Тактики Льва”⁶, по достоинству оцененное в научной литературе⁷, осталось, к сожалению, незавершен-

¹ Полное название трактата: “Λέοντος ἐν Χριστῷ τῷ Θεῷ αὐτοκράτορος τῶν ἐν πολέμοις τοῖς τοῖς συντομοῦς παράδοξος”; сокращенное наименование “Tactica Leonis” было предложено К.Э. Цахариэ фон Лингенталем.

² См.: *Dain A. Les stratégistes byzantins* // ТМ. 1967. Т. 2. Р. 355. Здесь же сведения о публикациях и переводах трактата (начиная с XVI в.). Еще более подробная библиографическая справка содержится в издании: *Le traité sur la guérilla (De velitatione) de l'empereur Nicéphore Phocas (963–969). Texte établi par G. Dagron, H. Mihăescu. Traduction et commentaire par G. Dagron. P., 1986. P. 141. N 6.*

³ Подробно см. об этом: *Кучма В.В. “Тактика Льва” в исторической литературе (историографический обзор)* // ВВ. 1969. Т. 30. С. 154–155.

⁴ Вопросы авторства и датировки анализируемого трактата, проблемы, связанные с выяснением его источников, оценкой научно-теоретического уровня и практического значения его свидетельств рассматривались нами в более ранних работах: кроме статьи, указанной в предыдущем примечании, см., например: *Кучма В.В. “Тактика Льва” как исторический источник* // ВВ. 1972. Т. 33; *Он же. К вопросу о критериях достоверности сведений “Тактики Льва”* // АДСВ. Вып. 8. 1971; *Он же. Военно-экономические проблемы византийской истории на рубеже IX–X вв. по “Тактике Льва”* // АДСВ. Вып. 9. 1973; *Он же. Из истории византийского военного искусства на рубеже IX–X вв. Подготовка и проведение боя* // ВВ. 1977. Т. 38; *Он же. Военно-теоретическая мысль* // Культура Византии. Т. 2. М., 1989.

⁵ *Leonis Imperatoris Tactica* // PG. Ed. J.-P. Migne. 1863. 107.

⁶ *Leonis Imperatoris Tactica. Ad librorum mss. fidem edidit, recensione Constantiniana auxit, fontes adiecit, praefatus est R. Vári. Sylloge Tacticorum Graecorum. T. 1 (prooemium et constitutiones I–XII continens); T. 2. Fasc. prior (constitutiones XII–XIII et constitutionis XIV paragraphos 1–38 continens). Budapestini, 1917–1922.*

⁷ См., например, восторженную оценку А. Дэна: “Cette édition est un de plus beaux monuments de l'érudition contemporain” (*Dain A. La “Tactique” de Nicéphore Ouranos. P., 1937. P. 127.*)

ным⁸ – остановленное приблизительно на одной трети текста XIV главы, оно составило не более 45% общего объема трактата. Предлагаемый нами перевод осуществлен по первому тому указанного будапештского издания⁹.

Трактат открывается обширным введением, специфической особенностью которого являются два авторских указания на максимально высокий юридический статус его сочинения. Следует отметить, что во всей тысячелетней греко-римско-византийской полемологической традиции других случаев прямых авторских указаний на нормативный характер презентуемых читателю военно-научных руководств больше не встречается ни разу¹⁰. Причина отмеченной уникальности “Тактики Льва” вполне очевидна: авторство трактата принадлежит писателю, чье право на верховную прерогативу автоматически придавало императивный характер любому документу, выходящему из-под его пера.

По справедливому замечанию Ж. Дагрона¹¹, ясное понимание своего уникального статуса, дарованного волею Божественного Провидения, присутствовало в сознании Льва постоянно и в полном объеме: он буквально пропитан своей легитимностью и ответственностью за свое предназначение, осознанием власти своего слова, которое всегда эквивалентно закону. В силу этого он построил свое тактико-стратегическое руководство по модели свода юридических норм, предназначенных для всеобщего и неукоснительного соблюдения. Человек, которому в отличие от Маврикия или Никифора Фоки никогда не приходилось ни сражаться, ни командовать, искренне уверовал в идею, что кроме него никому другому не по силам осуществить коренное реформирование военной системы империи. В свою очередь, само это реформирование, по глубокому убеждению Льва, возможно только на путях реставрации “забытого знания” прежних моделей и образцов, которые в обозримом историческом прошлом с полным успехом обеспечивали военное могущество Ромейской державы. Руководствуясь этой логикой, Лев обращается к трудам своих предшественников по жанру, заимствуя у них и форму, и содержание, и сам порядок развертывания соответствующей военно-научной информации. Основным источником введения к “Тактике Льва” явился аналогичный раздел “Стратегикона Маврикия”; в ряде мест Лев прибегнул даже к прямым текстуальным заимствованиям¹².

⁸ По признанию самого Р. Вари, главной причиной, воспрепятствовавшей завершению работы, явилась “финансовая ситуация Венгрии”, сложившаяся после окончания Первой мировой войны (см.: *Vári R. Sylloge Tacticorum Graecorum // Byzantion. 1931. VI*).

⁹ Подавляющее большинство конъектур, предложенных Р. Вари, нами принимается. Мы также следуем его нумерации параграфов, несколько отличающейся от той, которая использована в издании Ж.П. Миня.

¹⁰ Оговоримся, что нам представляется в высшей степени вероятным предположение об императорском статусе еще одного военного писателя – автора “Стратегикона Маврикия”. Однако это допущение все-таки не имеет непосредственного подтверждения в самом тексте источника и потому требует соответствующих доказательств; см. об этом: *Кучма В.В. “Стратегикос” Онасандра и “Стратегикон Маврикия”: опыт сравнительной характеристики // ВВ. 1982. Т. 43. С. 45–49*. Но даже если поверить в императорский статус автора “Стратегикона”, следует все-таки отметить, что в самом тексте этого трактата нет прямых указаний на нормативный характер его установок.

¹¹ *Le traité sur la guérilla... P. 145*.

¹² Заимствования можно проследить по тексту последнего русского издания: *Стратегикон Маврикия / Издание подготовил В.В. Кучма. СПб., 2004. С. 60–63*. (Далее: *Стратегикон*).

Во вводном разделе “Тактики Льва” повышенный интерес представляют концептуальные воззрения автора на сущность верховной государственной власти, воплощенной в особе императора (§ 1), в том числе тезис о неприятии войны как способа осуществления государственной политики (§ 3). Здесь же дан перечень основных источников, которыми располагал автор, указаны приемы и цели их использования (§ 5–7), приведена высокая оценка полемологических знаний для обеспечения успеха боевой практики (§ 8).

Введение заканчивается § 9, содержащим перечень военно-научных проблем, которые автор намерен рассмотреть. Каждой из этих проблем посвящена отдельная глава, обозначаемая термином “*δίταξις*”, который мы переводим как “установление”, учитывая императивный характер излагаемых в трактате положений.

Установление I посвящено определению нескольких основополагающих военно-научных категорий, важнейшими из которых являются понятия “тактика”, “стратегия”, “стратиг”. Основным письменным источником данного установления явилась II глава сочинения Элиана “Теория тактики”¹³. Обращает на себя внимание тот факт, что пояснения указанных выше понятий, предлагаемые Львом, проигрывают в четкости, точности и полноте тем определения, которые были сделаны некоторыми из его предшественников. Главную причину этого следует усматривать в низкой профессиональной подготовке автора “Тактики Льва” (точнее в полном отсутствии у него практического боевого опыта). Приходится также признать, что и знакомство Льва с теоретическими сочинениями более ранних военных авторов было достаточно поверхностным, не более чем дилетантским: его познания не были столь универсальными, чтобы успешно трактовать все специфические детали военной теории¹⁴. Наконец, играла роль и та амбициозность, с которой царственный автор в императивном духе излагает малознакомые ему истины. Его самоуверенность порой не знает никаких границ: любую идею предшественников, даже самую глубокую по смыслу, автор зачастую не принимал в расчет при формулировании собственных сентенций, зачастую весьма поверхностных, но зато изрекаемых с апломбом.

Установление II содержит подробный реестр требований, которым должен соответствовать военачальник высокого ранга, обозначаемый общим термином “стратиг”. Характеристика деловых и личных качеств военачальника являлась обязательным сюжетом для большинства военно-исторических и военно-научных сочинений, начиная с “Киропедии” Ксенофонта. Как известно, в предшествующей полемологической традиции критерии нравственного облика военачальника были наиболее подробно разработаны Она-

¹³ Справку о творчестве Элиана Тактика, писателя эпохи императора Траяна, см. в нашем обзоре: “Очерк античной военно-теоретической литературы”, помещенном в сборнике: Кучма В.В. Военная организация Византийской империи. СПб., 2001. С. 23–26.

¹⁴ Высказывание Ж. Дагрона о том, что Лев “был никудышным стратегом и посредственным стратегистом” (*Le traité sur la guérilla... P. 9*), хотя и выглядит излишне резким по форме, является вполне справедливым по смыслу. В этом свете оценка А. Дэном Льва как “мэтра военной литературы X века” (см.: *Dain A. “Touldos” et “Touldon” dans le traités militaires // Mélanges H. Grégoire. T. II. Bruxelles, 1950. P. 163*) приобретает дополнительные (в том числе саркастические) оттенки.

сандром в I и II главах его “Стратегикоса”¹⁵; спустя почти полутысячелетие самое серьезное влияние этих критериев испытали концептуальные воззрения Маврикия¹⁶. Поэтому не случайно сочинения именно этих двух авторов были избраны Львом в качестве своих основных источников¹⁷. Рекомендации предшественников воспроизводятся автором “Тактики” в гораздо более развернутом виде; многократно усилен конфессиональный аспект излагаемой информации. Значительно более подробно, чем во всей предшествующей военной литературе, в трактате Льва раскрыт один из основополагающих постулатов византийской военной доктрины, сущность которого определялась формулой: “причина войны должна быть законной” (§ 44–46)¹⁸.

В установлении III решаются проблемы, связанные с организацией и деятельностью военного совета при стратеге. Впервые в военной литературе специальная (довольно краткая) глава о военном совете содержалась в трактате Онасандра. Восприняв свидетельства своего предшественника, Лев дополнил их подробной, богатой по содержанию информацией, определить прямые источники которой не представляется возможным. Отметив в свое время этот факт, А. Дэн затруднился в однозначном объяснении данной коллизии. По его мнению, здесь с равной долей вероятности можно предполагать либо использование Львом более раннего источника, остающегося для нас неизвестным (может быть, синхронного элиановской “Теории тактики”), либо обобщение им какой-то иной, возможно, даже современной информации¹⁹. Впрочем, отдельные положения, содержащиеся в этом установлении, могут быть вполне уверенно соотнесены с рекомендациями основного источника трактата Льва – “Стратегикона Маврикия”. Так, содержание § 8–9 “Тактики” созвучно с установками VIII А, 5, 8 и VIII В, 23, 31, 72 “Стратегикона”²⁰.

Главным источником основного пласта информации, изложенной в установлении IV, также является “Стратегикон Маврикия”. Впрочем, отдельные параграфы этого установления (в частности § 3–5 и 41) испытывали заметное влияние Онасандра (соответственно II, III и XXIV глав его трактата). Однако начиная с § 8 и практически до конца установления IV подавляющим

¹⁵ Характеристику творчества Онасандра, современника императоров Клавдия и Нерона, см. в статье: Кучма В.В. “Стратегикос” Онасандра и “Стратегикон Маврикия”: Опыт сравнительной характеристики. ВВ. 1982. Т. 43. С. 38–44.

¹⁶ Подробно см. об этом: ВВ. 1984. Т. 45. С. 20–22.

¹⁷ По предположению Р. Вари (*Vári R. Die “Praecepta Nicephori” // BZ. 1929–1930. Bd. 30. S. 52*), информация § 22–30 установления II отчасти заимствована еще из одного источника – “Стратегем” Полиэна, но взята не из оригинала, а из позднейших извлечений (“экскерпт”). Труд Полиэна недавно издан в русском переводе: Полиэн. Стратегемы. СПб., 2002. (Далее: Полиэн).

¹⁸ Основоположником указанного постулата явился тот же Онасандр (см. главу IV его трактата). После него идея “законной причины войны” была воспринята практически всеми военными писателями; автор “Тактики Льва” в этом отношении также не составляет исключения; см. об этом: *Michaelides -Nouaros G. Ο Δικαίος πόλεμος κατά τὰ Τακτικά τοῦ Λέοντος τοῦ Σοφοῦ // Mélanges Séphériades. Athènes, 1961. P. 411–434.*

¹⁹ См.: *Dain A. Les stratégistes byzantins. P. 356.*

²⁰ В свою очередь, как это было отмечено издателями трактата Маврикия (см.: *Das Strategikon des Maurikios. Einführung, Edition und Indices von G.T. Dennis. Übersetzung von E. Gamillscheg. Wien, 1981. S. 284*), начальная фраза сентенции VIII В, 31 “Стратегикона”, воспроизведенная в § 8 “Тактики”, принадлежит Исократу.

становится влияние “Стратегикона” — особенно активно используется информация его I, II и XII книг.

Значительным своеобразием, уже давно отмеченным в научной литературе²¹, отличается информация, сконцентрированная в установлении V. Основная цель данного установления состоит в том, чтобы дать фемному стратегу развернутый план мобилизационных мероприятий по подготовке к предстоящему ведению боевых действий. Именно в этом заключается оригинальность рассматриваемого раздела – действительно, аналогичных планов мы не встречаем ни в одном из предшествующих военно-научных руководств. В этой ситуации Лев поневоле был вынужден проявить максимальную самостоятельность, формулируя свои указания не на основе письменной традиции, а на обобщении современной ему боевой практики. В этом свете становится объяснимой и своеобразная, совершенно не свойственная Льву манера изложения информации в данном разделе, когда он дважды (в § 11 и 13) фактически извиняется за возможные упущения по забывчивости – понятно, что подобные сетования на недостатки человеческой памяти были бы совершенно необъяснимы для автора, располагающего письменными источниками. Что же касается конкретных видов вооружения и снаряжения, которые по требованию Льва предстоит подготовить фемному стратегу, то сами по себе эти виды отнюдь не являлись (да и в принципе не могли быть) оригинальными. Кстати говоря, все они вновь упоминаются в следующем, VI установлении – даже еще более подробно и детально. И источники этой информации устанавливаются без особого труда. Следовательно, говоря об оригинальности установления V, мы имеем в виду отнюдь не новизну предметной информации, на которой оно построено, а именно свежую авторскую идею, для формулирования которой данная информация была использована в качестве основы.

Установление VI может быть условно разделено на две части. Первая часть, составляющая две трети общего объема, имеет выраженный технический характер и сугубо практическую целенаправленность; эта часть целиком построена на информации “Стратегикона Маврикия” (в частности на материалах его I и XII книг). Вторая часть, по существу, являющаяся собранием военно-исторических иллюстраций, основана преимущественно на свидетельствах II, XII и XIV глав “Теории тактики” Элиана (его имя прямо упомянуто Львом в § 29), а в ограниченном масштабе – на материалах III и IV глав “Искусства тактики” Арриана²².

Таково содержание разделов “Тактики Льва”, перевод которых мы предлагаем в настоящей публикации.

Комментарии, прилагаемые к тексту перевода, в подавляющем большинстве имеют характер пояснений и касаются преимущественно конкретных военно-технических реалий.

В заключение укажем, что переведенный нами и предлагаемый вниманию читателя комплекс, включающий введение и шесть первых установлений “Тактики”, составляет лишь 15% общего объема трактата.

²¹ См. об этом: Кучма В.В. “Тактика Льва” как исторический источник. С. 78–79.

²² Характеристику творчества этого писателя II в. н.э., которому принадлежат многочисленные произведения из самых различных сфер научных знаний, см. в упомянутом выше обзоре: Кучма В.В. Военная организация... С. 26–29.

КРАТКОЕ ТАКТИЧЕСКОЕ НАСТАВЛЕНИЕ ЛЬВА, САМОДЕРЖЦА ВО ХРИСТЕ

Во имя Отца и Сына и Святого Духа, Святой и единосущной и досточтимой Троицы, единого и истинного Господа нашего – Лев, миролюбивый во Христе самодержец, благоверный, благочестивый, во веки священный Август²³.

1. Ни императорская свита и власть, ни могущество и превосходство такой власти, ни показ этого превосходства и наслаждение им – ничто из того, что является предметом людских устремлений и упований, ничто так не радует наше императорское величество, как мир и благоденствие наших подданных и лучшее устройство и упорядочение в их интересах государственных дел. Точно также и в противоположном случае – ничто столь сильно не удручает и не тяготит наше сердце, как несчастье людей, нам подвластных, когда вследствие чьего-то нерадения происходит утрата либо преуменьшение предназначенных им благ. Ведь если попечение даже об одном человеке, обратившемся к нам, при благоприятном исходе дела возбуждает неизмеримый подъем нашей радости, а при неблагоприятном – невыразимый гнет душевных мук, то как нам не болеть душой, опекая бесчисленное множество зависимых от нас – после Бога – людей, когда в заботе о страждущих мы бодрствуем ночами и трудимся все дни напролет, стремясь освободить их от любой напасти и вреда и дать возможность в полной мере вкусить всю полноту радости и благоденствия?

2. Мы полагаем, что если в пренебрежении оказывается даже самое малое из того, что имеет отношение к государственным делам, то вред от этого оказывается отнюдь не малым. И когда преуменьшается значение стратегического знания, то тем самым принижаются прошлые деяния ромеев²⁴, так что наш взор полностью застигает опыт одного лишь нынешнего времени.

3. Людям, почитающим образ и слово Божие, всегда свойственно радоваться миру, пламенеть любовью друг к другу и не вооружать смертоносную руку против своих сородичей. Но поскольку дьявол, изначальный погубитель человека и враг нашего рода, в согласии со своей природой и вследствие непоправимой человеческой ошибки обучил людей воевать друг с другом, то оказалось совершенно необходимым применять в войне одних людей

²³ Подробную справку о титулатуре византийского императора (в том числе персонально Льва VI) с указанием источников и литературы см. в издании: *Constantine Porphyrogenitus. Three Treatises on Imperial Military Expeditions / Introduction, Edition, Translation and Commentary* by J.F. Haldon. Wien, 1990. P. 176–177. (Далее: *Haldon. Expeditions*). См. также: *Кекавмен. Советы и рассказы. Поучение византийского полководца XI века. Изд. 2 / Подготовка текста, введ. пер. с греч. и коммент. Г.Г. Литаврина. СПб., 2003. С. 337–338. (Далее – *Литаврин. Кекавмен*).*

²⁴ *Ромеи* – наиболее распространенное самоназвание, употребляемое византийскими авторами и указывающее на прямую государственно-правовую преемственность Византийской империи с Римской. См.: Два византийских военных трактата конца X века / Издание подготовил В.В. Кучма. СПб., 2002. С. 111. Примеч. 221. (Далее: Два трактата); *Литаврин Г.Г. Геополитическое положение Византии в средневековом мире в VII–XII вв. // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики. СПб., 1999, указатель; Константин Багрянородный. Об управлении империей / Текст, пер., коммент. Под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. М., 1989. С. 277. Примеч. 3.*

против других всяческие ухищрения и добиваться того, чтобы народы, поневоле вовлеченные в войну, было нелегко победить, но с помощью и посредством военно-научных знаний обеспечить их спасение и помочь им, с одной стороны, защититься от напавших на них врагов, а с другой стороны – причинить этим врагам такие страдания, которые те заслуживают, чтобы был истреблен всякий, кто первым начал творить зло, и был обеспечен спасительный для всех мир, которого все страстно желают и во благо которого участвуют в решении государственных дел.

4. Известно, что пока ромеи выступали против врагов упорядоченным строем, им в течение немалого времени сопутствовала сила Божественного благоволения, и усилия лучших из них по надлежащему упорядочению строя воплощались в исполненных блеском победах. Ныне же, когда установления тактики и стратегии в течение длительного времени находятся в пренебрежении (если не сказать, что они пришли в полное забвение²⁵), не осталось практических руководств по осуществлению высшего военного командования, и многие отрицательные последствия этого мы видим повсеместно. Ведь когда утрачивается многое из того лучшего, благодаря чему древнее Ромейское государство благоденствовало, то в противоположность этому мы видим отсутствие Божественного благоволения, и победа, привычная для Ромейского государства, ускользает в пользу противников. Когда находится в пренебрежении правильный боевой порядок против врагов, то вместе с ним, что вполне естественно, мало-помалу деградируют и военная подготовка, и мужество лучших солдат. В этих условиях мы то обвиняем стратиотов²⁶ за отсутствием тренировки и нехватке мужества, то порицаем стратигов²⁷ за отсутствием боевого опыта и нерешительность, и в дополнение к этому пренебрегаем установлениями древних²⁸ по причине их неясности. Поэтому желая восстановить в высшей степени полезное знание, угодное Богу, и вновь привлечь на пользу нам все то из ромейской практики, что было отвергнуто, мы не побоимся предпринять соответствующие старания и взять на себя труд, способный принести общую пользу нашим подданным.

²⁵ Ссылка на упадок военных знаний как основную причину создания очередного полемологического руководства традиционна для всех военных авторов, как предшественников Льва (Онаандр, Вегеций, Маврикий), так и тех, которые писали после него (авторы трактатов “О боевом сопровождении” и “Об устройстве лагеря”).

²⁶ *Стратиоты* – здесь: обобщающий термин для обозначения военнослужащих. В более специальном смысле термин *стратиоты* служил для обозначения рядового состава всех родов войск (пехоты, кавалерии, флота, инженерной службы), противопоставляемого командному составу (*архонтам*, см. примеч. 35). С оформлением в Византии феминого строя термин *стратиоты* приобрел конкретно-технический смысл и стал употребляться для обозначения особого сословия, которое было призвано исполнять воинскую службу за право владения земельным участком установленной ценности. См.: *Литаврин*. Кекавмен. С. 375–377; *Le traité sur la guérilla...* P. 264–269.

²⁷ *Стратиг* – термин, имевший давнее историческое происхождение и означавший как воинское звание, так и военную должность (*Haldon. Expeditions*. P. 156. См. также: Два трактата. С. 112. Примеч. 224. С. 115. Примеч. 229). В этих важнейших значениях (“военачальник, полководец” и “наместник фемы”) данный термин употребляется и ниже (см., например, примеч. 46 и 58).

²⁸ *Древние* – термин, активно используемый практически всеми военными писателями для обозначения своих предшественников по профессии (военачальников, обычно высокого ранга) или по жанру (военных теоретиков).

5. Научные знания, содержащиеся в древних и новых стратегических и тактических сочинениях²⁹; другие свидетельства, о которых повествуется в исторических трудах (если что-либо из того, что там собрано, покажется полезным извлечь для практического применения в военных условиях); то, о чем мы узнали на основе скромного опыта собственных деяний в наши дни; нынешние установления, являющиеся пригодными и подходящими, – все это будет передано нами в виде нормативного руководства по военному делу, имеющего практический характер³⁰, по возможности краткого и простого в использовании, значение и польза которого будут проявляться больше в практическом содержании, нежели в лексическом совершенстве. Этот труд будет играть роль своего рода наставления по тактике, предназначенного нашим ипостратигам³¹, а также тем, кому поручено выполнение государственных обязанностей, установленных нами, чтобы желающие имели возможность легко извлечь отсюда все лучшее из древних тактических сочинений, а также сведения о некоторых боевых порядках древних и их военных рангах. При этом мы заботились отнюдь не об изысканности стиля и красоте выражений, но главным образом о практической пользе, ясности мысли и простоте слова. По этой причине тактику древних мы по большей части излагали греческим языком, разъясняя латинскую терминологию, и использовали некоторые другие выражения, которые привычны для стратиотов, добиваясь ясного восприятия всего того, что там содержится, исключая лишь те построения, которые не могут быть применены по причине их бесполезности и непригодности, а также неясности их описания, чтобы те, которые желают осуществлять военное командование, имели в своем распоряжении обобщенный опыт, многократно проверенный в войнах и походах, имеющий не только теоретический смысл, но и подтвержденный непосредственными практическими делами древних. И если до наших дней не могут быть доведены деяния, благодаря которым государство ромеев выросло в могучую силу, то хотя бы пусть будут переданы те идеи, с помощью которых можно восстановить и оживить в памяти забытое и вновь вернуться к древним боевым порядкам.

6. Если в том, что нами будет сказано, обнаружится нечто полезное, то за это благодарение Христу, подателю всех благ, Вседержителю и Господу нашему, милость которого была дарована и нашим трудам. Если же кто-либо другой, благодаря своему радению и опыту, найдет нечто лучшее, чем это, то и ему пусть будет милость всеблагото Господа, нам же – снисхождение ради усердия нашего.

7. Желающим осуществлять военное командование как в полном, так и в ограниченном объеме, необходимо в любом случае заниматься делами, связанными с тактическими и стратегическими заботами. Ведь враги одолевают

²⁹ О том, какие “Древние и новые стратегические и тактические сочинения” предшественников имеются в виду в данном случае, см.: Кучма В.В. “Тактика Льва” как исторический источник. С. 77–79.

³⁰ Первое из прямых указаний на то, что создаваемое Львом военно-научное руководство должно обладать силой нормативного акта, общеобязательного для исполнения.

³¹ *Ипостратиг* – термин, использованный здесь в своем самом общем значении: “командир высокого ранга, находящийся в подчинении командующего армией (*стратига*)”. Ср. разъяснения Льва по этому поводу в § 8, 9 и 45 установления IV.

ся не числом солдат и не отвагой, как полагают некоторые из невежд, но благодаря благоволению Бога, а также использованию стратегии и тактики³², о чем следует заботиться больше, чем о бессмысленном накоплении численного превосходства: в первом случае тем, кто успешно использует стратегию и тактику, это обеспечивает безопасность и выгоду, во втором случае это приводит к поражению и пустой трате средств.

8. Ведь подобно тому, как невозможно кораблю переправиться через море без науки кораблевождения, точно также нельзя одолеть врагов без тактики и стратегии³³, а благодаря им можно с помощью Божьей одержать верх не только над врагом, равным по силам, но и над врагом, многократно превосходящим нас по численности. И потому мы повелеваем тщательно и с полным усердием соблюдать требования настоящего военного руководства, продиктованного практической необходимостью, наряду со всяким другим нашим законодательным установлением, о чем уже было сказано ранее³⁴.

9. Итак, в первую очередь необходимо дать определение военной тактики и должности стратига, а затем установить, каким должен быть стратиг и как следует проводить военный совет. Далее предстоит рассмотреть ранги архонтов³⁵, начальствующих над войском, и лиц, ведающих другим военным имуществом, рассказать о подготовке вооружения и об обеспечении оружием каждого из сражающихся. После этого речь пойдет о подготовке войска к предстоящему сражению, далее – об установленных законом наказаниях, которые необходимо зачитать войску. Затем говорится о маршах, совершаемых как в собственной, так и во вражеской земле, о так называемом обозе³⁶, а также о военных лагерях³⁷.

³² *Стратегия и тактика* – различие между этими двумя основополагающими понятиями военной науки стало проводиться еще со времен Ксенофонта. Подробнее об этом см. ниже, в установлении I.

³³ Сравнение искусства военного руководства с искусством кораблевождения впервые содержится в трактате Онасандра. В более развернутом виде эта метафора была представлена в основном источнике “Тактики” (см.: Стратегикон. Введение. С. 62), а затем воспроизведена Львом в § 37 установления II.

³⁴ Второе, еще более строгое авторское указание на императивный характер содержащихся в трактате установок: в данном случае общеобязательная сила этих требований приравнена к силе законодательных актов.

³⁵ *Архонты* – обобщающий термин для обозначения командного состава армии, противопоставляемого рядовому составу (*стратиотам*). См.: Два трактата. С. 121. Примеч. 240. Ниже, в установлении IV “Тактики Льва” содержится исчерпывающий перечень архонтов как высшего, так и низшего рангов.

³⁶ *Обоз* – обобщающий термин для обозначения всей совокупности военного имущества, транспортируемого на конной тяге в составе походной колонны (см. пояснение самого Льва: установление IV, § 31). Справку об этимологии терминов *τοῦλδος* и *τοῦλδων* и возможных вариантах их использования, а также основную литературу см. в изданиях: Два трактата. С. 157. Примеч. 282; Стратегикон. С. 71. Примеч. 2. Характеристику отдельных видов армейского имущества, а также состоящего при них обслуживающего персонала см. также: *Le traité sur la guérilla...* P. 187–189.

³⁷ В “Тактике Льва” (по аналогии со “Стратегиконом Маврикия”) упоминаются два вида лагерных стоянок: *ἄλληκτων* и *φοσάτων*. Первый из них, как в данном случае, мы переводим термином (*военный*) *лагерь*; второй оставляем без перевода, соглашаясь с его этимологическим толкованием, данным Х. Михаэску: “укрепление со рвом” (см.: *Mauricius Arta militaria. Ediție critică, traducere și introduce de H. Mihaescu. București, 1970. P. 95. N 10*). О различиях между этими видами лагерных стоянок см.: Стратегикон. С. 74. Примеч. 2. Справку об *апликтах* (с указанием источников и литературы) см.: *Haldon. Expeditions. P. 155*; о *фоссатах* – *Ibid. P. 175*. Второй из указанных терминов зачастую употреблялся как эквивалент термина “войско”.

После этого предписывается, что нужно сделать за один день до сражения и что остается делать непосредственно в день сражения. Далее речь идет о полиоркетике³⁸, затем о том, что необходимо делать после сражения, а также о неожиданных нападениях с использованием засад, устраиваемых как нами, так и врагами. Затем сообщается о различиях между боевыми построениями ромеев и других народов, вызывающих нашу озабоченность. Далее в дополнение к сказанному сообщается о соответствующих построениях в морских сражениях. И ко всему этому присоединены некоторые тактические и стратегические сентенции, систематизированные соответствующим образом, разместить которые на своем месте не представилось возможности в силу строгой определенности и практического характера предыдущего изложения³⁹. Мы надеемся, что разумный и здравомыслящий стратиг, вдохновленный всем этим, сможет стать еще более мудрым.

И вот первое, с чего следует начать.

УСТАНОВЛЕНИЕ I

О тактике и стратиге

1. Тактика – это наука о военных передвижениях. Военные передвижения бывают двух видов – одни по земле, другие по морю.

2. Тактика – это полководческое искусство боевых порядков, способов вооружения и передвижений военнотружущих⁴⁰.

³⁸ Термин *полиоркетика* употреблялся в военно-научной литературе в двух основных значениях. В широком смысле он обозначал ту отрасль военной науки, которая рассматривала всю совокупность принципов и приемов осады и обороны различных территориальных объектов, имеющих как естественные, так и искусственные укрепления. В более узком смысле он прилагался к той сфере военно-научных знаний, которая касалась строительства осадных машин и механизмов.

³⁹ Практика включения в военные сочинения специальных разделов, где в лаконичной форме излагаются основы полемологических знаний, имеет давнюю историческую традицию. Одним из лучших примеров подобного рода может служить заключительная глава III книги трактата Вегеция, имеющая наименование “*Regulae bellorum generales*” (см.: *Флавий Вегеций Ренат*. Краткое изложение военного дела, III, 26 // ВДИ. 1940. № 1. С. 278–280. Далее: *Вегеций*). Два века спустя максимы Вегеция, значительно расширенные и дополненные, были инкорпорированы в VIII книгу “Стратегикона Маврикия” (см.: Стратегикон. С. 146–159). Через посредство “Стратегикона” многие из этих сентенций вошли в состав XX установления “Тактики Льва”.

⁴⁰ Как уже было отмечено во введении, формулировки некоторых важнейших полемологических понятий, даваемые автором “Тактики”, следует признать гораздо менее качественными, чем определения, уже существовавшие в военной литературе до него. В частности, это в полной мере относится к понятию *тактика*. Это понятие не сформулировано Львом в виде целостной вербальной конструкции, а разбросано отдельными фрагментами по нескольким параграфам. Но даже если объединить содержание § 1–2 и добавить к ним информацию § 4–6, суммарное определение тактики окажется далеко не полным и потому не вполне удовлетворительным. На наш взгляд, наиболее качественное определение тактики содержится в анонимном военном сочинении эпохи Юстиниана, написанном за три века до трактата Льва: “Тактика – это наука, с помощью которой можно надлежащим образом выстроить и привести в движение массу вооруженных людей. Существует четыре раздела тактики: построение солдат, наиболее подходящее для сражения; распределение вооружения в зависимости от предназначения каждого солдата; движение вооруженного войска в соответствии с обстановкой; управление боем, личным составом и материальными ресурсами

3. Стратегия – это обобщение опыта лучших стратиггов, то есть их заветов и практической деятельности⁴¹, вместе с их стратегемами⁴² и трофеями⁴³.

4. Предназначение тактики – одолеть врагов с помощью соответствующих замыслов и действий.

5. Польза тактики в том, что она позволяет парализовать действия врагов благодаря собственному наилучшему размещению.

6. Конечная цель тактики – идеальным образом, насколько это возможно, упорядочить войско.

7. Существуют две разновидности полной военной подготовки: та, что на земле – наземная, та, что на море – морская. О морской подготовке мы поговорим позднее. Большинство тех людей, которые призываются к наземной войне, составляют боевой контингент, то есть вооруженные силы; другая часть, присоединяемая к ним для удовлетворения их нужд, представляет собой нестроевые части. Вооруженные силы предназначены для ведения войны с врагами. Остальные нестроевые части, такие, как лекари, прислуга, торговцы и другие им подобные, придаются войску для несения различных служб. Подразделениями в составе боевого контингента, то есть собственно войска, являются пехота и кавалерия. Пехота размещается непосредственно на земле, кавалерия – верхом на лошадях. Некогда часть войска передвигалась на простых и серпоносных колесницах, а также в башнях, предназначенных для раз-

на основе учета наиболее благоприятных условий и обстоятельств” (см.: The Anonymus Byzantine Treatise on Strategy, XIV // Three Byzantine Military Treatises. Text, Translation and Notes by George T. Dennis. Washington, 1985. P. 44, 3–9. Далее: *Anonymus*). Общеизвестно, что трактат Анонима не числится среди источников “Тактики”, и поэтому данное определение могло быть Льву неизвестно. Но в тексте основного источника “Тактики” содержится не менее удачное определение анализируемого понятия (см.: Стратегикон. II. 1. С. 85), с которым Лев был знаком, вне всякого сомнения. Об одном из возможных объяснений причин, по которым Лев игнорировал лучшие идеи предшественников, см. во введении.

⁴¹ Изложенные ранее критические замечания можно отнести и к объяснению Львом понятия стратегия. Весьма поверхностное, лишенное реального содержания определение, предложенное Львом, не идет ни в какое сравнение с гораздо более глубокими формулировками в трактатах Анонима (*Anonymus*. IV. P. 18–20) и Маврикия (Стратегикон. II. 1. С. 84–85).

⁴² *Стратегемы* – термин, в первоначальном смысле обозначающий крупномасштабные действия военачальников высоких рангов, стратегические маневры, направленные на достижение решающего превосходства над врагом. Но поскольку большинство из этих маневров традиционно строилось на обманных, дезориентирующих неприятеля принципах и приемах, данным термином в обыденной военной практике стали обозначаться различного рода военные хитрости, способные сыграть роль поучительных примеров для последующего подражания (подробнее см.: *Полиэн*. С. 45 сл.). В анализируемом пассаже “Тактики” термин стратегемы употреблен в исходном значении, восходящем ко временам Ксенофонта и Полибия.

⁴³ Судя по контексту, термин *трофеи* в данном случае имеет самый широкий смысл: им охватываются все результаты деятельности выдающихся полководцев прошлого (стратегов вообще, а не только стратиггов – фемных наместников), завершившиеся триумфальным успехом. В исходном значении термин *трофей* (τρόφαιον) означал сооружение из неприятельских доспехов, воздвигнутое на поле боя в том месте, откуда неприятель обратился в бегство. Выражение “водрузить трофей” (равнозначное выражению “восторжествовать над врагом”) встречается у многих военных авторов как античного времени, так и последующих эпох (см.: *Литаврин*. Кекавмен. С. 353). Мы зафиксировали три случая подобного словоупотребления в трактате “О боевом сопровождении” и один – в трактате “Об устройстве лагеря” (см.: Два трактата. С. 116, 174, 200, 358).

мещения воинов и переносимых слонами⁴⁴. Но сегодня наш разговор о них лишен всякого смысла по причине полной бесполезности их подготовки.

8. Прежде чем приступить к надлежащему описанию тактики, следует раскрыть определение стратига – кем он является, и кто достоин этой должности.

9. Итак, стратиг – это тот, кто после императора обладает ббльшей властью, чем все остальные, во вверенной ему епархии⁴⁵.

10. Стратиг – это назначенный императором верховный правитель находящейся под его командованием стратиотской фемы, власть которого над подчиненными ему архонтами частично определяется полномочиями, врученными ему императором, а частично проистекает из его собственной власти⁴⁶.

11. Стратигу должны быть свойственны в ббльшей степени, чем всем его подчиненным, и благоразумие, и мужество, и справедливость, и воздержанность⁴⁷,

12. чтобы взять на себя управление делами руководимой им епархии, как собственно стратиотскими, так и частными и общественными,

13. чтобы войско, если оно досталось ему неорганизованным, упорядочить надлежащим образом в соответствии с установленным тактическим каноном.

14. Предназначение стратига – укреплять подвластную ему фему и обеспечивать ее безопасность от врагов и других посягательств, от беспорядков и раздоров. Врагов следует ослаблять всеми способами – либо войной, либо неожиданными нападениями, и если действовать против врагов именно такими методами, это обеспечит возможность не претерпевать от них страданий.

15. Высшая цель стратига – быть славным во всех делах, наслаждаясь благоволением Бога и императора; если же он пренебрегает соответствующими обязанностями, которые ему вменены, это приводит к противоположному результату. Поэтому для воссоздания идеального образа стратига следует подробно охарактеризовать его качества и наглядно показать, каким именно должен быть военачальник, облеченный такой властью.

⁴⁴ Упоминание военных раритетов подобного рода традиционно для многих военных писателей. Обращает на себя внимание тот факт, что анализируемый пассаж “Тактики” воспроизводит аналогичные свидетельства Вегеция (см.: *Вегеций*. III. 23–24. С. 276–277) и Анонима (*Анонимус*. XIV. Р. 44. 18–20) почти текстуально (правда, у Льва отсутствуют упоминаемые Вегецием боевые верблюды). Может быть, предположение о знакомстве Льва с трактатами Вегеция и Анонима все-таки имеет какие-то основания (тем более, что упоминания указанных раритетов в основном источнике “Тактики” – “Стратегиконе Маврикия” – отсутствуют)?

⁴⁵ Как следует из контекста, термин *епархия* употреблен здесь (и еще раз в § 12) не в своем позднейшем конфессионально-территориальном, а в изначальном прямом смысле (область, провинция). Именно этот же смысл вкладывает в термин *епархия* и Маврикий в единственном случае употребления его в своем трактате (см.: *Стратегикон*. I. 7. С. 80).

⁴⁶ Из информации, содержащейся в § 9–10, а также в § 12–14, следует, что даваемое здесь определение стратига соответствует не изначальному значению этого термина (военачальник максимально высокого ранга, главнокомандующий), а более позднему, вошедшему в употребление в период фемного строя (*наместник стратиотской фемы*). Подробно о *фемном строе* (с указанием литературы) см.: *Литаврин*. Кекавмен. С. 344–345. О термине *фема* см. также: Два трактата. С. 112. Примеч. 225.

⁴⁷ Автор “Тактики” разделяет философское учение о четырех главных добродетелях, известное с глубокой древности. См. об этом: *Литаврин*. Кекавмен. С. 574.

УСТАНОВЛЕНИЕ II

О том, каким следует быть стратигу

1. Итак, мы повелеваем быть стратигу воздержанным телесно, умеренным в повседневной жизни, трезвым и неусыпным, простым и неприхотливым в потребностях, выносливым в трудах, рассудительным и благоразумным, презиравшим сребролюбие, пользующимся доброй славой, не молодым и не старым, способным держать речь перед большой массой людей, быть, по возможности, отцом, имеющим детей, не быть склонным к торговым делам или к чему-либо подобному, не быть малодушным, равно как не увлекаться мелочными хлопотами, и вообще быть благородным духовно, а если это возможно, то и телесно, и быть великодушным во всем.

2. Воздержанным, чтобы ради удовольствий, губительно воздействующих на естество, он не пренебрегал бы заботой и радением о делах насущных.

3. Умеренным, поскольку ему предстоит взять на себя столь большую власть. Ведь люди, наделенные неумеренными и несдержанными порывами, становятся еще более необузданными в своих устремлениях, если они приобретают возможность действовать по собственному произволу, как они благоволят.

4. Трезвым и неусыпным, чтобы он сохранял бодрость в великих делах. Ведь зачастую именно ночами, когда душа полностью умиротворена, разум направляет стратига и приводит его к цели.

5. Простым и неприхотливым в потребностях, ибо роскошь и многочисленная прислуга расточают время архонтов и расслабляют их при осуществлении ими своих обязанностей.

6. Выносливым в трудах, чтобы он, будучи первым среди участвующих в походе, не искал отдохновения, но служил лучшим примером того, как следует достойно переносить все возникающие трудности.

7. Рассудительным и благоразумным, ибо стратигу надлежит быть во всем пронизательным, достигая цели благодаря скорости своего разума: ведь зачастую неожиданно возникшие тревожения вынуждают быстро принимать нужное решение.

8. Презиравшим сребролюбие. Ведь бескорыстие является испытанием для стратига всякий раз, когда он предполагает решать дела неподкупно и великодушно и когда он, управляя вверенной ему фемой, ставит достоинство превыше любого подношения. Ибо многие перед лицом врагов обладают и душевным мужеством, и телесной мощью, но когда они обращают свой взор на золото, то мельчают и ослабевают разумом. Ведь сребролюбие – опасное оружие, направленное против стратига, самое действенное для его низвержения и уничтожения.

9. Быть не молодым, но и не старым. Поскольку молодой не внушает доверия и не обладает душевным постоянством по причине молодости, а старец телесно немощен, то ни на одного из них нельзя положиться: ни на первого – из-за опасения, чтобы он не допустил ошибки вследствие неразумной отваги и смелости, ни на старца – из-за опасения, чтобы он вследствие физической немощи не упустил бы то, что необходимо сделать. Наилучшим был бы выбор человека средних лет – и не молодого, и не старого. Ведь такому, поскольку он еще не состарился, будут свойственны сила и крепость, а поскольку он уже не слишком молод – ему будут присущи благоразумие и ос-

новательность. Те, которые преклонялись перед крепостью тела, лишенной душевного благоразумия, или, наоборот, перед благоразумием души, лишенной телесной крепости, не достигали никакого благоприятного результата. Ибо благоразумие, которому недоставало силы, не приносило никакой пользы, а сила, лишенная благоразумия, не достигала цели.

10. Нам известно, что стратиг, пользующийся любовью своих подчиненных, способен достичь наивысшей славы: такая любовь исключительно важна для командного состава. Если люди кого-то любят, они охотно повинутся его приказаниям, не противодействуют его словам и намерениям, помогают ему в опасности. Любовь ведь в том и заключается, чтобы положить душу за того, кого любишь.

11. Более предпочтителен отец, имеющий детей, чем бездетный, хотя не следует отвергать и того, кто не имеет детей, если в остальном он подходящ. Когда стратиг имеет детей, то если они малолетние, он проявляет больше рвения в усердном решении житейских дел из-за любви к детям и в стремлении к их благополучию. Если же они достигли совершеннолетия, они станут отцу советчиками и соратниками, окажут ему надежную помощь в управлении делами, направленными на всеобщее благо. По этой причине я полагаю, что человек, имеющий детей, более предпочтителен, чем бездетный.

12. Способный держать речь и быть оратором: это качество может принести войску громадную пользу. Выстроив войско к сражению, стратиг побудит своей речью презреть опасности, а зачастую и самую смерть, и проявит стремление к делам добрым и достославным. Даже боевая труба, прозвучающая в ушах, не столь сильно побуждает душу к битве, как слово, сказанное со знанием дела, устремляет к доблести, делает услышавших его готовыми к борьбе и изгоняет чувство страха. Если же войско постигнет неудача, слово утешения вновь укрепит души. Слово стратига способно оказать гораздо более действенным для утешения войска в неудачах, чем усилия врачей, исцеляющих раны. Ведь врачи оказывают помощь одним только раненым, причем чаще всего лишь на короткое время, тогда как слово стратига сразу же укрепляет дух как пострадавших, так и утомленных, а в бодрых возбуждает мужество и отвагу⁴⁸.

13. Мы говорим, что он должен пользоваться доброй славой, потому что у большинства необходимость подчинения бесславным вызывает досаду. Ведь никто не согласится по своей воле признать господином и предводителем человека ниже себя по достоинству. Мне представляется совершенно необходимым при выборе стратига иметь в виду, чтобы он, обладая достоинствами, о которых мы сказали ранее, пользовался и доброй славой. Если

⁴⁸ Обращение военачальника к войску перед сражением являлось многовековой традицией, широко известной по военной литературе. Рассматриваемый пассаж “Тактики” весьма близок и по содержанию, и по форме аналогичному свидетельству Онасандра (см. главу I его “Стратегикоса”). К VI в. относится специальное руководство, известное под наименованием “*Rhetorica militaris*”, которое являлось своеобразным пособием для стратигов по обучению ораторскому искусству (см. о нем: *Dain A. Les stratégistes byzantins*. P. 343–344). Маврикий также рассматривал искусство красноречия как одно из важнейших достоинств стратига (см.: *Стратегикон*. VIII В. 74. С. 155); помощниками ему в проведении пропаганды среди личного состава являлись особые должностные лица – *кантаторы*. В трактате Льва фактически развернута целая программа идеологической работы в армии; подробно см. об этом: *Кучма В.В. Методы морально-политического воздействия на византийское войско по “Тактике Льва” // АДСВ. Вып. 3. 1965.*

это не менее значительное достоинство не будет присуще человеку, его не следует держать на этой должности длительное время.

14. Мы не считаем, что при выборе на должность стратига следует заранее предпочесть богача из-за одного лишь его богатства, если у него нет соответствующих достоинств, а бедняка заранее отвергнуть из-за его бедности и нужды, даже если он этой должности достоин. Ведь мы отвергаем богача не потому, что он богат, а в том случае, если он не обладает достоинствами, присущими стратигу. И бедняка мы выбираем не за то, что он беден, а потому, что он обладает разумом и благородством стратига. Мы никого из них не отвергаем по критерию благополучия, но выбираем из двух более достойного.

15. Доблестное богатство отличается от благородной бедности не более, чем посеребренное и позолоченное вооружение отличается от того, которое покрыто медью или сделано из железа: первое превосходит второе блеском красоты, а второе соперничает с первым своей эффективностью.

16. Я веду речь о той благородной бедности, которая свободна от стяжательства и дароприимства: стяжателя, чем более богатым он оказывается, ни в коем случае нельзя предпочитать при выборе стратига.

17. Но также не следует выбирать и какого-нибудь скрягу или корыстолюбца, занимающегося торговлей или чем-либо подобным: ведь их удел – низменность души, устремленность к одной лишь наживе, забота только о стяжании богатств и отсутствие каких бы то ни было добродетелей.

18 Если претендент окажется потомком блистательных и достославных предков, это следует приветствовать, но не нужно непременно требовать от него такого благородного происхождения, когда оно отсутствует, – отнюдь не по этому критерию следует выбирать стратига, тем более, если он уже проявил себя хорошим военачальником.

19. Подобно тому, как мы обнаруживаем благородство и неблагородство животных по их собственным повадкам и привычкам, точно также нам следует выявлять благородство людей по делам и успехам их собственным, а не их предков. Разве уместно и обоснованно, с одной стороны, воздавать честь простым стратигам по их личным доблестям и деяниям, когда они достигают блестящего результата собственными руками, а не за счет величия предков, а с другой стороны – выбирать стратигов по их предкам, даже если сами они этого недостойны? Стратигов следует выбирать по их собственной доблести, даже если они не блистают родом. Счастлив стратиг, доблести которого соединяются с блеском его предков, но если собственные доблести отсутствуют, то наличие второго условия бесполезно.

20. Пожалуй, оправдают больше надежд и окажутся лучшими те стратиги, которые не возвеличены предками. Ведь те, которые получили известность благодаря родителям и восприняли славу от них, часто оказываются более нерадивыми и беззаботными, а те, которые не обладают славой предков, стремясь восполнить неизвестность отцов собственным усердием, подходят к исполнению своих обязанностей с гораздо большим рвением. И подобно тому, как бедняки с большим старанием, чем богачи, устремляются к приобретению жизненных благ, спеша восполнить упущение судьбы, точно также и те, которые не унаследовали известность отцов, стремятся приобрести свою славу собственными делами.

21. Итак, по этим причинам следует предпочитать стратига доблестного, благородного, богатого. Но не нужно отбрасывать и бедного, но до-

стойного, даже если его род не восходит к блистательным и достославным предкам.

22. Обобщая, нужно сказать, что стратигу, если это возможно, следует иметь хороший внешний облик, быть мужественным, трудолюбивым, обладать острым умом, быть благородным, усердным, неустрашимым, в высшей степени благочестивым и ревностным в осуществлении богоугодных дел,

23. властвующим над плотскими удовольствиями, но ненасытным и неутомимым в осуществлении добрых дел, побуждаемых разумом,

24. способным еще в невидимом своевременно разглядеть и то, что представляет опасность, и то, что является первоочередным,

25. умеющим с большим успехом обнаруживать все то тайное, что скрывается в очевидном,

26. быть опытным в построении, вооружении и упорядочении войска,

27. способным своими словами воодушевить павшее духом войско, вдохнуть в него добрые надежды, подготовить его к предстоящим опасностям,

28. быть непоколебимо твердым в соблюдении договоренностей и соглашений,

29. но при этом сохранять осторожность и не попадать в плен словесным обещаниям, которыми некоторые стремятся подменить свои обязательства,

30. быть бережливым в отношении средств, расходуемых на собственные потребности, и довольствоваться малым; в отношении же средств, идущих на благо его подчиненных, а особенно на общественные нужды, – проявлять щедрость и широту души.

31. Итак, при выборе стратига за основу должны быть взяты такие его природные качества, привычки и нравы, которые описывает наше наставление; сверх того, он должен быть добросердечным, обходительным, решительным, невозмутимым,

32. но не настолько мягким и кротким, чтобы заслуживать презрение, и не настолько жестоким, чтобы вызывать ненависть; не следует ни ослаблять войско и всех подвластных людей собственной нерешительностью, ни отвращать их любовь устрашением.

33. Обо всем остальном, чем стратигу придется заниматься в наиболее важных делах повседневного управления, и о том, чего ему следует остерегаться, мы пока воздержимся говорить по причине множества этих дел, но в ходе излагаемой нами тактики мы будем упоминать о каждом из них, насколько это окажется возможным.

34. Мы надеемся, что избранный нашим императорским величеством стратиг, соблюдающий указанные требования, будет наслаждаться и милостью Бога, и нашим расположением, и общественным благоволением, и всеобщим почетом, и благоденствием жизни во Христе – единственном во всем мире нашем превечном и непреходящем властителе. Но пусть облик стратига, как бы находясь постоянно перед глазами нашего императорского величества, будет раскрываться последовательно по мере того, как мы будем излагать наши рекомендации по надлежащему и подобающему исполнению установок стратегической и тактической науки.

35. И прежде всего остального мы даем тебе, стратиг, первое увещание и наставление: руководствоваться благочестием и справедливостью, как бы постоянно видеть перед глазами Бога и бояться его, и любить его всем своим сердцем и всей своей душой, а после него и нас, ис-

полнять его заповеди и по этой причине приобрести его благоволение, чтобы в случае опасности смело отважиться вознести доверительную молитву к нашему общему Владыке, как это позволяет себе друг по отношению к другу, имея надежду на такую же дружескую помощь с его стороны. Ибо прав сказавший: “Желание боящихся Его Он исполняет, вопль их слышит, и спасает их”⁴⁹.

36. Знай же, что ни один замысел, даже если он кажется разумным, невозможно осуществить без Божественного благоволения, равно как и одолеть врагов, даже если они считаются слабыми, поскольку все пребывает в Провидении Божьем, и даже самое мельчайшее из всего сущего управляется Его промыслом.

37. Ведь подобно тому, как искусство корабельного кормчего, даже самого лучшего, оказывается бесполезным, если дующие ветры неблагоприятны, и наоборот, если ветры попутны и к ним дополнительно присоединяется искусство кораблевождения, тогда бег корабля в безопасное место убыстряется вдвое – точно также, если доблестный стратиг, защищенный Божественным благоволением, будет правильно соблюдать требования тактики и стратегии, проявляя при этом неусыпность и рвение, он будет надежно управлять вверенным ему войском и сможет противостоять коварным замыслам врагов. Ибо Божественное Провидение, с одной стороны, наставляет в пользу, с другой стороны, приводит к благоприятному исходу. Именно оно в качестве надежного и неколебимого основания способствует нарастанию благочестия в вере, усилению справедливости в решении дел подвластных лиц и приращению всех остальных благ.

38. Будь кротким и невозмутимым в отношении просителей: ведь необузданность нрава ненавистна и нетерпима.

39. Будь простым и неприхотливым в пище и в одежде, ограничивай себя в пустых тратах необходимых средств.

40. Занимайся положенными делами неумоимо и усердно, а не беспечно и небрежно. Ведь проявляя заботу и настойчивость, можно успешно завершить даже самые трудные из дел, а тот, кто пренебрегает делом, сам вследствие этого оказывается в пренебрежении.

41. В важных и необходимых делах ничего не предпринимай без совета: если даже ты посоветовался накоротке и с запозданием, выполняй согласованное решение в кратчайший срок и основательно, насколько это окажется возможным, подобно тому, как действуют врачи при лечении недугов.

42. Отношение к подчиненным должно быть равным: никогда не следует проявлять к ним пристрастие, но всегда необходимо действовать по справедливости.

43. Не следует, однако, проявлять слабость и попустительство в отношении тех, кто виновен в злонамеренности или небрежении, считая эту мягкость более предпочтительной: ведь нет ничего хорошего в том, чтобы плодить зло и нерадивость, особенно в трудные времена и при решении неотложных дел; но и не следует, наоборот, налагать наказания поспешно и неразборчиво только ради показа суровости: первое из сказанного порождает презрение и непослушание, а второе – вполне объяснимую ненависть и все

⁴⁹ Псалт. 144, 19.

остальные произрастающие из этого плоды. Наилучшим вариантом была бы боязнь, порождаемая справедливостью, и разумное наказание по очевидности причины, или нечто такое, что не является наказанием, но рассчитано на вразумление добропорядочных людей.

44. Готовясь к войне, прежде всего заранее предусмотрити, чтобы причина этой войны была законной, и не обращай против врагов неправедную силу до тех пор, пока они со свойственным им нечестивым обычаем развязывания войны сами не нападут на нашу землю первыми.

45. Ведь для нас всегда предпочтителен мир во имя Христа, всеединого Владыки и Господа Бога как с подвластными нам народами, так и с варварами, и если эти народы из любви к миру будут держать свои границы закрытыми и не станут действовать несправедливо, то ты и сам будешь огражден от нападений, и не обагришь землю кровью ни соплеменников, ни варваров. Вместо того, чтобы получить обвинение врагов, что ты начал неправедную войну без какой бы то ни было несправедливости к тебе, пусть будут обвинены сами враги в том, что они сотворили несправедливость в отношении миролюбивых подданных нашего величества. Нам же, исходящим из миролюбия людей, всегда следует, насколько это возможно, добрососедствовать с сопредельными народами, желающими этого, никогда не творить обиды тем подвластным нам народам, которые предпочитают мирное состояние всякому остальному, жить с ними в согласии и отвергать войны.

46. Если же враги не проявят благоразумия, но продемонстрируют несправедливость, вторгнувшись в нашу землю, тогда возникнет законная причина (а именно несправедливая война со стороны врагов) решительно и смело повести войну против них, поскольку они создали к этому предпосылки, подняв неправедную руку на наших подданных; при этом появится твердая уверенность в том, что ты получишь обоснованную помощь Господа Бога и, мобилизовав все силы, преодолеешь опасность, нависшую над нашими братьями. Именно поэтому мы увещеваем твое достоинство предусмотреть все, чтобы обеспечить законную причину войны, и лишь при этом условии поднять вооруженную руку на неправых.

47. По всем этим причинам тебе необходимо проявить себя лучшим во всех отношениях среди своих подчиненных, превосходя их верой в Господа Бога, благочестием и остальными добродетелями. Как известно, дух командиров руководит поведением подчиненных: согласно пословице, не лани командуют львами, а львы ланями⁵⁰.

48. Таково, стратиг, краткое изложение требований, предписываемых нашим императорским величеством – требований, польза которых именно в том, что они не слишком длинны. Тебе дозволяется использовать для себя рекомендации, изложенные нами в настоящем сочинении, а кроме того, воспользоваться и теми предписаниями, которые собраны нами в более развер-

⁵⁰ Использованное здесь образное выражение, восходящее ко временам Гомера (см. например: *Гомер. Илиада. Книга III / Пер. с древнегреческого Н. Гнедича. М., 1985. С. 52*), дважды цитируется в “Стратегиконе Маврикия” (Стратегикон. VIII В. 79, 93. С. 156, 158), причем во втором случае Маврикий вкладывает эту фразу в уста великого карфагенского полководца Ганнибала. Впоследствии, уже после Льва, данный афоризм в достаточно вольном пересказе был воспроизведен в “Тактике Никифора Урана” (см. об этом: *Foucault J.A. Douze chapitres inédits de la Tactique de Nicéphore Ouranos // ТМ. 1973. Т. 5. P. 310–311*).

нудом виде в параллельной книге тактических знаний⁵¹, чтобы, подвергнув их изучению, извлечь из всего этого наибольшую пользу, которая тебя удовлетворит.

53. Итак, владея всеми этими знаниями, стремись к их приращению, присоединяя к ним усердное исполнение добрых дел, чтобы твой ревностный дух многократно приумножал то, что тебе предписано, свершением distinguished дел, которые заслужат одобрение, в первую очередь Господа Бога, а после него – и нашей императорской власти, так, чтобы ты заслуженно добывал свои награды и с той, и с другой стороны.

(Продолжение следует)

⁵¹ Данное свидетельство было расценено Р. Вари как ссылка на так называемую “Неизданную тактику Льва” (см.: *Vári R. Die sogenannte “Inedita Tactica Leonis” // BZ. 1927. Bd. 27. S. 269*). Справку о данном источнике см.: *Dain A. Les stratégistes byzantins. P. 357* (А. Дэн предпочитал именовать этот трактат “*Sylloge tacti corum*”).